А24 3/71
Внимание!

Государственная публичная историческая библиотека

ПАСПОРТ КНИГА ИМЕЕТ:

Шифр	Инвентарный №
А24 3/71	283791
	№ тома
599/8	Список № порядковый №
457 3	Количество страниц
	Отд. томов. вып. №№
	Таблиц, карт, иллюстраций
	Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п.
	Дефекты
2	Печатных листов
	Обрез

Д 24
3/71

А24 3/71

ЗАПИСКИ

ИГУМЕНЬИ МАРІИ,

УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ

ОДОЕВСКОЙ.

Напечатано 50 экземпляровъ.

НОВГОРОДЪ.
Губернская Типографія.
1912.

А24 3/71

ЗАПИСКИ

ИГУМЕНЬИ МАРІИ,

УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ

ОДОЕВСКОЙ.

7895.

Напечатано 50 экземпляровъ.

НОВГОРОДЪ.
Губернская Типографія.
1912.

599/8

Гос. Астрах. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 33379
19 г.

Предисловіе.

Записки игуменіи Маріи—драгоцѣнное наслѣдіе, дошедшее до насъ отъ начала шестнадцатаго столѣтія.

Русскіе люди до временъ Петра I-го о личной жизни своей почти не писали и описывали только путешествія въ Святую Землю, или посольства въ чужіе края.

Княжна Одоевская первая по времени оставила намъ свои замѣчательныя записки. Напечатаны они были въ приложеніи къ № 41, 42 и 47 Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1849 годъ.

Но то, что помѣщено въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ старыхъ годовъ—помѣщено въ могилѣ, такъ какъ легче отыскать кладъ, чѣмъ эти вѣдомости, безпощадно уничтожавшіеся и людьми и временемъ. Поиски мои въ библіотекахъ и въ архивахъ различныхъ учрежденій г. Новгорода оказались безрезультатными; правда, въ громадномъ архивѣ Губернскаго Правленія Вѣдомости отыскались, но часть ихъ сгнила отъ сырости такъ, что разсыпалась отъ прикосновенія, а изъ уцѣлѣвшей части оказалось повырваннымъ все, сколько нибудь интересное.

Къ счастью у одного изъ мѣстныхъ любителей старины И. С. Романцева сохранился экземпляръ Вѣдомостей за 1849 г., любезно предоставленный имъ въ мое распоряженіе, и „Записки“ снова появляются теперь на свѣтъ.

Инокиня Марія въ міру носила имя Серафимы и была дочерью князя Михаила Одоевскаго, переселившагося въ Новгородъ изъ Торопца во второй половинѣ XV столѣтія.

По свидѣтельству рукописи, князь былъ популярнымъ лицомъ: „хотяше государя батюшку на Славенскій конецъ возвести на посадничество".

Игуменствовала княжна Одоевская въ 1515 г., въ Новгородскомъ Михалицкомъ Рождественскомъ монастырѣ, нынѣ уже не существующемъ. Уцѣлѣла теперь отъ него только церковь Рождества Богородицы, что на Молотковѣ.

О значеніи этихъ давно забытыхъ и недоступныхъ до сихъ поръ записокъ говорить не приходится: помимо картинъ быта тѣхъ временъ, они проливаютъ свѣтъ и на нѣкоторыя событія, имѣвшія мѣсто въ Господинѣ Великомъ Новгородѣ, только что утратившемъ свою самостоятельность.

Гдѣ находится подлинная рукопись мнѣ неизвѣстно. По свидѣтельству отыскавшаго ее въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка и затѣмъ помѣстившаго въ Вѣдомостяхъ, Руфа Игнатьева, и тогда уже была она въ плохомъ видѣ и много мѣстъ ея при перепечаткѣ ему пришлось замѣнить точками.

Настоящее изданіе является воспроизведеніемъ помѣщенной въ Вѣдомостяхъ рукописи.

С. Р. Минцловъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Бысть же Назарій книженъ и всякому любомудрію наущенъ и егда же начатъ въ возврастъ приходите, посылаше его ко Рижаномъ, и тамо языку Нѣмецкому учашеся і пріуспеваше даже и дѣлу ратному, яко могуще ему изыти на бой и игрушки. Обаче и живяше со невѣрны, не изменяшеся обычаямъ і егда пріидоша въ Великій Новъ градъ, абіе возлюбиша его Владыка, Боляре и житой людъ и содѣлаше ю Діякомъ на Вѣчи і правяше дѣлы земсти. Сей бо Назаріи отъ младости, паче рещи дѣтска возраста пребываше въ дому у Государя моево батюшки Князь Михайла: младъ бо дѣтинищь остася отъ отца своего, иже погубиша вороги, егда изхождаше изъ церкви по утріе пѣнія на само Рождество Христово и начаша ходити молва по Новуграду, яко бы то нѣцію отъ Посадникъ его сгубиша, по неже мняше его быти недоброхота себѣ и на Москву ѣздивша ради потребъ некіихъ и тамо пріязненныхъ собѣ имѣюще. Нѣціи людіи небояшеся бо Господа Бога, ни страшнаго суда Божія, прещенія начаша неподобная глаголати, яко бы мой батюшка сгуби его такожде. О коль веліе зло ближнему поносити, ниже бо есть обычай таковый клеветати всуе!

Пріидоша бо мы не вдалѣ времени отъ града Торопеца, не причастни бо ни къ чему отъ здѣшняго, и хотяше егда Государя батюшку на Славянской конецъ возвести на Посадничество, онъ же не хотяше и отрицашеся. Моляше его и самъ Владыко и ту не соизволи; кая же бо польза батюшки таковое творите, не глаголю яко благочестивъ сый и дѣлъ сатанинскихъ чуждашеся и убойству и крове?

Взяша батюшка Назарія и воспиташе его со тщаніемъ и любовію, и учаше его грамотѣ Діякъ отъ Знаменья, и пояше сладко, яко удобъ единому отъ спевакъ Владычныхъ.

Сей бо Назарій по дѣтству всегда ко мнѣ и брату моему прихождаше и, якоже есть обычай юнымъ, играше съ нами и любяше его Государь батюшка и плакаша мы горько, егда отъ насъ Назарія взяша яко лѣтъ тринадесяти Нѣмецкій купеческой гость и увезоша во Крыжакѣ проклятіи. Плакашася бо язь болѣе другия, мняше яко изгубитъ Назаріи душу свою отъ ересей Латинскихъ и волшебства и немогуща востати отъ одра моего, ибо мало все тѣло мое не бысть слезно отъ плача воздыханія моего и недугомъ обдержиша веліемъ. И прихождаше года и пріидѣ Назарій къ намъ, но не видаше его на долзѣ, сказаша бо ми сенныя, яко пріиди отъ Нѣмецъ Назарій, и похваляше его, и язъ восхотѣ его узрети, но не бе тому удобія, ибо бысть у батюшки на свѣтлицѣ, не пригоже же ми дѣвицѣ сущею тамо вхождати.

Во единъ день указаше ми его идуща со нѣкіими мужи отъ Славянскаго конца во светлицу къ батюшкѣ и седоша за трапезу, и начатъ

Назарій говорити про обычай Нѣмецкій да про ихъ дѣло ратное, и беседова сладко яко азъ издалечѣ смотряше дивяшеся его глаголанію. Видяще бо Назарія зело красна и возпаляшеся къ нему любовію зелною, изыдоша спешно и нача плакати . . . . . .

. . . . . .

Беседова же Назарій, нача обо мнѣ вопрошати, і тогда глаголаше къ нему нашъ степенный тысячькой Василей Максимовиць: али въ Нѣмскихъ странахъ таковъ есть обычай, яко о дѣвицахъ рѣчь вести? Грехъ бо тяжекъ и соромъ и глаголаше яко исты бесурменъ Назарій.

И возкипе Назаріи гневомъ и сказа словеса тяжкія Болярину: азъ (глаголя бо) отъ дѣтства ее вемъ и люблю яко сестру родную, почитаю родителеи ея, яко самаго мя возпитавшихъ и многое глаголаше, и не могуще ни кто отвѣта дати, батюшка же молчаше.

Въ другой день видяше азъ Назарія въ церкви у Святаго Спаса стояща и молящагося усердно и со слезами, и азъ, немогуще далѣе быти, умолиша Государя батюшку увезти мя спешно, яко не могущу стояти и глазами болящу. Начаша Назарія по часту видати и единождѣ осмелися съ нимъ слово сказати въ саду и то егда не бысть ту стѣну, неподалеко бѣ яко ветха. Онъ же глаголаше, яко увидите мя и грядетъ къ батюшки челомъ бити и азъ спешно изыдоша, пачѣ рещи, отъ таковой рѣчи его бегству устремшася.

По недолзѣ времени увѣдала я, яко изгна Государь батюшка Назарія со безчестіемъ отъ дому своего мене ради и сказаше ми сенныя, яко Назарій, исходя изъ дому и возседе на конь, воз-

крича: *Пріидохъ яко рабъ, исхожду яко врагъ, пріиду яко власть!* Но ни кіи ми, ни батюшка, ни братъ ни чесо же глаголаше; а сказаше ми нѣцыя, яко по времени посла Государь батюшка, по Назаріи по міръ.

Во единъ дней начаша Батюшка пиръ готовити и звати Посадники, Боляри и жилыи людъ и егда азъ вопрошаше: чесо ради и мне повелѣно снарядитеся въ одежды свѣтлы и зарукавья и каменья самоцвѣтны и ожерелья, что три гривенки большихъ дано, то отвѣщаше, яко ради Василья Максимовича стараго тысячькаго. Тогда язъ не знаше что и мнети, и почто такія есть. Начаша себѣ разсуждати и вознемянухъ и слышахомъ бо отъ нѣкіихъ, яко той Тысячькой вельми богатъ и единаго сына иматъ Дмитрія лѣтъ яко тринадесяти и тои Димитріи недоимокъ *) и зело невзраченъ, яко поносиша его и холопи и не любяше его, яко младъ сый отрокъ, золъ обычаемъ и бьяше ихъ бичами отцу попущающу, нача бо единъ днесь и стараго пестуна своего Пашка псами шукати. И начаша тогда я боятися да не вдадутъ мя въ жену тому Димитрію, сыну Тысячькаго: желаше бо греху мя и сети дьяволей обнемлющу, неприменно собѣ самой смертное убойство сотворити, ниже тому быти!

Егда же наста той день и язъ плакася горько и начаша ризы красны на ся налагати и узорочья многоценны и утвари и изыдоша молитвы творя во святлицу, иже бе трапеза пирующихъ, и узре Тысячькаго, сидяща на красну углу и съ нимъ вмѣстѣ сына его. Тогда показася ми онъ яко грехъ тяжелъ, лицемъ бо желтъ и власы

*) Слабоумный.

главы его рыжи, яко огнь пещный и той озирающе, а самъ едва сидяху и тресущеся отъ страха многа. И повелѣ ми батюшка меду сладка нести Тысячькому и сыну его недоумну. И тяжко бысть ми сіе. сынъ же Тысячькаго на меня смотряше, егда азъ подхождаше и поклонишася ему, то онъ рукою закрыша лицо свое и едва по приказу родительску взя чару отъ рукъ моихъ, пригубилъ: несть бо обычай юнымъ пити.

Абіе узре азъ Назарія входяща въ свѣтлицу, и посадиша его батюшка невдалечѣ и нача къ нему рѣчь вести.. яко сей день сотворилъ рукобитье и просваталъ меня за Тысячькаго сына тово ли Дмитрія. Тогда Назаріи спешно возстахъ отъ мѣста своего рѣче: *тако ли ми есть поношеніе, иже не лепо терпети?* И то глаголя спешно изыдохъ не поклоняся, помолился лишь Святой Иконѣ, предъ которой гореша свеща именная.

Егда пріидоша язъ во свою свѣтлицу то плакаше и молящеся, не возхотеша даже вкусити хлѣба. О коль тяжко ми бысть сіе тогда. Вотъ уже живу въ обителѣ десять лѣтъ, и въ подвизе иночества, но не могу себѣ отъ помысла отметовати и, давно истекшая, яко бы теперь совершаемая, мысленными очесами зрю, и молюся дабы забвеніе получити, а не услышана моя грешная молитва.

Начаша бо отъ того дня менѣ снаряжати, а быти свадьбѣ, послѣ де Петрова говенья, а тогда бысть еще недѣля мясопустная: и тѣмъ я много утешена была, яко время не малое, и моляше сама собѣ кончины. Прихождаше ко мнѣ батюшка и утешаше мя богатствомъ Тысячькаго, прихождаше же мя увѣщати Игуменъ Покровскій и не

печалится ми глаголаше, но како возмогохомъ то сотворите? Ждаше бо лютаго дня того, яко дни страшнаго. Бываше же у батюшки по часту Тысячькой съ сыномъ. Едино азъ мя отъ тоски свобождало, что братъ мой Иванъ не любяше Тысячькаго, яко хитръ человѣкъ есть, и сына его поношаше и укоряше, яко безсмыслена и неразумна и не пригожа ми за мужемъ за нимъ быти, бысть бо ми лѣтъ двадесятъ, а тому тринадесять. Сказа же ми братъ яко Назаріи уѣхалъ къ Москвѣ, не спросяся даже у Славянскаго конца, а тогда азъ не доумеваше, чесо ради бысть тако?— Слышахомъ яко народи поносяше Назарію, егда увидали такое его дѣло не похвальное, и хотяше даже домъ его разграбите и животы на міръ взяти, да самъ Тысячькой не попустилъ.

Почаша тогда изъ Москвы мнози ѣздити въ Новъ-градъ и поведати. яко воспалишеся Князь Великій Иванъ Васильевичь гневомъ на свою родовую отчину Великій Новъ-Градъ и мняше измены въ немъ видите и непокорство; недавно бо точію прихождаше Москвичи и плениша ны, нынѣ же еще горьшіе вся глаголели быти имать, а ни хто не ведалъ, и пошла молва великая, и говориша людъ, яко быть въ опалѣ Максимову Тысячькому пачѣ большихъ Посадникъ; то слыша азъ, радовашеся не могущи бо поняти, яко то бѣда во всю отчину, Великій Новгородъ и христьяномъ раззореніе будѣтъ, иже по времени и совершишися. Азъ бо тогда по неразумію мняше, яко не вдадутъ мя тому ненавѣтному ми браку, и узна азъ яко Назарій на Москвѣ чествуемъ и отчину далъ ему Князь Великіи.

Во единъ же день призва мя батюшка и почалъ говорить и плакалъ, будетъ де бѣда земская и надобе, глаголаше, изыти отъ мѣстъ сихъ: азъ бо вдамъ ти до Порхова Боляринѣ Настасьи и то ты буть ей послушна, яко дщи матери своея, а о мнѣ иже Господь промыслить то и буди. И тако везоша мя изъ Новгорода въ Новорусье и егда достигоша села тоя Болярыни, тогда начинаше ей глаголати батюшка о мнѣ и моляше ее любовъ мнѣ сотворити. Та же Болярина обеща вся та удобно исполнити, иже его истинне рещи всегда храняше како увить нѣкіи. Тогда отыди родитель мой до Великаго Новгорода.

Не скажу бо яко лехци ми было жити тамо, занеже аще и не слышахомъ о Тысячькомъ и его сынѣ, но не знаеши кая напасть належитъ на насъ, по часту моляше Боляриню ту поведати, она же крепляшеся и не восхотеше того сотворите, за яже глаголаше несть ту ни что же. Слышахъ же ю единожде яко поношаше Назарія, глаголаше его окаянна изменщика, церкви Божія противныка быти и повинна гіеннѣ огненный и егда же азъ вторицію нача стужити и молити, тогда повѣдати ми, и молиша на долзи и тогда о коль трепешна бысть убогая душа моя, егда азъ нача слушати и внимати собѣ иже сказа ми ти моя сродница.

Погуби врагъ православныхъ христьянъ, по пусти бо тому нечестивцу Болярскому сыну П . . . . . р . . . г . . . . . а . . . . . Лука . . . . . менѣ ради . . . къ тому убо нечестивому приста Назарій и нача крамолы сеяти на Москвѣ и клеветати на вла-

дыку, на Боляръ и на всѣхъ большихъ людей; а клеветы бысть тяжкіе, и про измены великія. А билъ челомъ Великому Князю на Москвѣ Назарій і про великія измены Новагорода накрепко сказывалъ, и въ ту пору Князь Великіи вѣру далъ и абіе повеле схватити на Москвѣ тогда бывшихъ Парфена да Луку и всадити въ порубь. Во ту пору началъ противу техъ рѣчей Назарьевыхъ встречу творить Государьской Боляринъ Федоръ Хромой, да Князю Великому бо рѣче: подобаетъ убо де то вся прилежно искать, а тогда убо і вѣру имати, какъ про то сыщется до пряма. То слыша, осерча Князь Великій, и слово стропотное сказа, и хоте даже жезліемъ того Болярина ударити, но удержася, да велелъ прогнать ево съ очей своихъ.

Въ единъ убо отъ дней начаша Боляра на Москвѣ въ разрядней палатѣ слово и совѣтъ держати о Новгородѣ и мнозіи почали говорити, что де неповинно забиждати Государеву извѣчную отчину Великіи Новъ-градъ не надобе и вѣру Назарію дати нельзе, ни Захару Діяку, ни Николо Бельскому Игумну Сидору*), ибо мнится яко рѣчи ихъ не вѣроятны. То прослышалъ Князь Великій съ не возлюбіемъ, и удари жез-

*) Въ лѣтописи дѣйствительно упоминается о Вѣчевыхъ Дьякахъ Назаріи Подвойскомъ и еще о какомъ то Захаріи, бывшихъ причиною войны 1478 года; записки называютъ еще одного сообщника: игумена Николо-Бѣлаго монастыря. Можно сдѣлать предположеніе что эти доносы были ни что иное, какъ дѣло самаго Іоанна III, искавшаго настоящихъ и мнимыхъ причинъ для совершеннаго покоренія Новгорода и уничтоженія духа вольности

Новгородскій Николаевскій Бѣлый монастырь упраздненъ въ 1785 году; зданія его отданы Звѣринскому Дѣвичьему монастырю.

ліемъ рѣче: *гадость уймись! Азъ вемъ, что подобаетъ ми творити, то и будетъ: несть милости, не сотворшимъ ея!* И повелѣ ввести къ себѣ клеветники и тіи сташа и почали говорить и челомъ бити, что де мнози не похотятъ Вѣчу быти, ниже Посадники, а быти де по всей воли Княжескіи, по всему его слову судному, яко на Москвѣ тако въ Новѣ-градѣ; и начаша многія рѣчи про измены большихъ людей глаголати, яко и Литвѣ поганой дружитъ: стрямяше и Владыку Феофила, Посадника Короба, а Тысячькаго Максимова всю злу виновника нарицаше, и того Федора Борецкаго Митріева брата. Князь же Великіи всѣму вѣру дая, слово сказа тяжкое, и нелюбіе Нову-городу, и казнь обеща. Того ради поведаше ми моя сродница, убояшеся родитель мой, да не впадетъ въ напасть ради дружества съ Тысячькимъ и съ Борецкимъ, и не потерпить неповинне; сице бо и ни чимъ не причастенъ, ниже коему злу вина, но не вдавнѣ дніи неповинно взятъ на Москву Фома, и въ железы закованъ и въ порубь всаженъ съ острымъ помостомъ у Благовещенья *), на казенки, что у Государя во дворѣ; а животы взяты на Государя.

И нача паки ко мнѣ сродница моя глаголати слезяще, яко слышано бе, яко самъ Владыко Митрополитъ на Москвѣ, возхоте Новгородцевъ прокляти, и отъ Святой Соборной церкви изринути, и во всѣмъ Новѣ-градѣ, и по вся веси церкви запечатати и въ нихъ службы Божіи престати,

*) Московскій Благовѣщенскій соборъ былъ тогда Дворцовою церковію. Близь нея находились Казенки, т. е. темныя камеры, гдѣ держались государственные преступники и провинившіеся бояре.

ниже мертвецы погребати съ пѣніемъ, ниже Попомъ у хрестьянъ требы творити, яко прокляти суть Новгородцы. Проклятъ (рѣче) бо самъ окоянный той Назарій и со своей діявольской дружиной слугъ сатанинскихъ.

Азъ то слышахъ, плакася горько, бояшеся бо бѣды на родъ на неповинне, и скорбяше по Назаріи; добре ведая яко все сіе бысть мене ради и любови ко мнѣ его Назарія велицей, но нельзѣ похваляти Назаріева окоянства, хотяше бо противу придѣла Господня изходити, яко противу ратника иже не суждено, како бо то можетъ быти. О Назарій, Назарій, како былъ еси добръ и како былъ еси чистъ, и колико пался еси! Да катитіся же слезы мои обильно, яко дождь многъ, но не дастца ли золъ его обыти! Бутте яко монпста, но не вамъ искупити гибель души его!

Въ ту самую ночь виде азъ сонъ сицевой: видѣхъ бо азъ сама стою въ церкви въ Великомъ Новѣ градѣ у Всехъ Святыхъ, что около батюшкиныхъ хоромъ на Славенской, а со мною стоитъ Люба соседка наша, дочь Ивана Пантелеевича нашего Старосты, да Степанида Егоровна, да Людмила Федоровна, да гостья Юлія Яковлевна. Смотримъ анъ пришелъ Назарій, да такой невеселый сталъ, да и молится, а кафтанъ на немъ зеленый такъ и горитъ золотомъ, а въ рукахъ Нѣмецкая шапка, какъ Свеи*) носятъ. А мы съ Любой поклонились въ землю, а Люба, яко у нее по всегда обычай ести, нача свои шепты: „глядь Серафима Михаловна, какой ишъ ты ражіи молодецъ пришолъ, а де къ образу

*) Шведы.

Богоматери самъ не пойдетъ, ибо не смеетъ, разобьетъ бо его сила Божія на полы!“ Вижу бо яко вниде въ церковь некіи человѣкъ черенъ яко уголь, паче рещи яко Эфіопъ, глаза его яко огнь палящь, той бо притече нача влещи къ собѣ Назарія и привлече его ко ми и нача и менѣ вмести влещи съ Назаріемъ, азъ же метахуся и помощь призываше, но не помогающу и тако извлекша мя постави на рундуцѣ церковнемъ и се пріидохъ некіи старецъ седъ и рече тому: сопротивниче. кая ти часть въ сея рабѣ Христовой? Пріими единое стяжаніе отца твоего, и повлече той черенъ Назарія, а менѣ введоша мужъ той въ церковь и рѣче: будешъ бо слуга моя и мнозіи наставиши по спасенію и дана тебѣ область.

Егда азъ воста отъ сна, обрете яко сродница моя и вся предстоятъ одру моему и молитвы творятъ и Богоявленскую воду льютъ. Азъ нача со слезами поведати мнѣ бывшіе и дивишася вси тому видѣнію. Съ того часа по часту видаше Назарія во соніи и на яву о немъ по всегда помышляюще, не вѣдая како бы и забыти его; но несть бо на то воля моя!

По часту бываше холопи наше въ Новѣ-граді, и привозяше вести о Государе моемъ батюшкѣ, яко здравъ суть. Въ единъ убо день поведаша, яко пріиди изъ Москвы некіи Боляринъ, а почто пришелъ, разно народъ говорилъ, и что было въ Великомъ Новгородѣ смута великая и убоиства смертная, убиша бо Юліи Яковлевни брата да и другаго, Козьму, у самои Святои Софіи зарезаша, и разсвирепе людъ, единъ по единому съ мосту другъ друга низвергашеся, что у Арсенія Свя-

таго*). А Владыка пошолъ въ ту пору со кресты, да началъ уняти, а напреждь того ходилъ Игуменъ, да народъ не слушалъ, и на немъ бо мандію разорвалъ въ теснѣ. А Владыко унялъ. Народи же идущи въ Рогатицу мнозіи кричаше, „такъ не буди Москвы! аще пріидутъ Москвичи, то какъ будутъ у Десятины**), такъ не попуститъ Богъ!“ Иныя же людіи поносиша ихъ неразуміе и моляшеся въ собѣ за здравіе Ивана Васильевича.

Единожды присла батюшка и сказа ми, яко хочетъ изыти изъ Нова-града людскихъ ради смутъ и итти ко Князю Великому Івану Васильевичу, да ударити ему челомъ і сказати про свою неповинность, да молити его пріяти насъ къ собѣ на Москву, а буде бо мы во вѣки служити ему и всему его Великаго Государя роду племени во вѣки вѣковъ до коли миръ есть и будутъ здѣ Одоевскія***)! Ради бо ми кровь за Святую церковь и землю Руськую пролити.

То слышахъ і язь радовашеся и моляшеся въ собѣ. Но не могущи воспомянути о Назаріи безъ пѣчали, како во всемъ томъ по-

---

*) Арсеньевъ монастырь стоялъ тамъ, гдѣ нынѣ часовня во имя Преподобнаго Арсенія; тамъ былъ и великій мостъ, откуда въ 1570 г. свергалъ Іоаннъ IV опальныхъ Новгородцевъ. Слѣды моста сохранились и донынѣ въ видѣ остатковъ свай, видныхъ подъ водою.

**) Новгородскій Десятинный Рожественскій Дѣвичій монастырь.

***) Родъ князей Одоевскихъ всегда существовалъ въ Новгородѣ; многіе изъ нихъ погребены въ Новгородскомъ Антоньевѣ монастырѣ. Особенно извѣстенъ Никита, бывшій правителемъ Новгорода во время Шведскаго владычества.

виненъ и во толикихъ смутехъ, и убойствахъ, и кровѣ; тако бо окоянный онъ сотвори.

Еще же бояшеся зело, яко бы Максимовъ, да Борецкой не оклевета батюшку въ чомъ неповинно, зліи бо суть человѣцы и лукавія есте; а какая же вина яко прежде того служи Государь батюшка Новугорода на вѣрѣ, яко убо и Хрестъ на то цѣловалъ, какъ пришли мы сюда отъ Торопеца; а на Князя Великаго руки не поднималъ ни коли?

Слышахомъ, яко велелъ есть Князь Великіи Вѣчу не быть, а людіи того не хотяше, и отпустиша Болярина того честно со дары, а Князю Великому поклонъ отъ всего Новагорода на Москву послаша, и дары честны, и многоценны. Двѣ седмицы того Болярина пирами утверждаше. А Боляринъ той рѣче: „будетъ ужо вамъ немилость Князя Великаго и погромъ паче бывшаго.“ А наши Боляре рѣкши ему: „ради и мы радети Князю Великому, да пошто забиждаетъ насъ рабовъ своихъ; и нашу братію на Москвѣ въ железахъ смири, і животы то побере; і то хотяше взяти иже отъ прадедъ бе“.

Не знаеши же батюшка како бы изыти отъ Новаграда, яко отъ многія пѣчали въ болѣзнь вниде, а брата посла (яко бы мя посетити) самою же вещію на Русу и къ Москвѣ по Князя Великаго челомъ бити, пріяти ны въ свою высоку руку. Прихождаше бо лукавцы къ батюшкѣ паче Борецкой и глаголаше: яко хотятъ рати быти, и Воеводою его нарицаше: онъ же, боля, не могущи, зело отрицашеся истинною, яко уже близь пристанища моего. И тако они отыдоша.

Бояшеся бо мы вси, яко бы не изошли Москвичи до села нашего, ибо жестоцы суть во всегда, і идеже во Ново-градской области быша, все раззоряше, грабя и огню предая, не оставя бо, глаголати подобаетъ ни хоромины, ни животины, ниже Святыню Господню когда милуютъ. Икони и утвари обдирающе, и младенцевъ мечами на полы секущѣ.

Совѣтъ сотворилъ бежати до града Пскова, ибо прошелъ по народу слухъ таковъ: яко будутъ Москвичи въ Новорусью; насъ де провинившихся рабовъ сказнивать, по Князя Великаго слову; и плакаша ми, жены сущіе, горько; а все то Назарій содѣлаша! По времени не стало извѣстно мі како о Государѣ моемъ батюшкѣ, тако и братѣ любезномъ, не весть бо гдѣ и живали сущи?

Пришла единажде къ намъ старица отъ Русы и почала говорить, что де Москва опять Русу спалила и монастырь Святой Спасъ пограбили, а де чернцы разбегохомся Москвы ради. Да де нашего отца милостивца гостя Івана Серапіонова поемши урезаша ему носъ, губы и руку десную, да къ Воеводѣ приведоша, а со Москвичи есть и Татари поганіи, иже въ Московской рати есть, и повсегда служатъ. То слыша мы трепетни быша и пача нѣціи бывшія у насъ корысти зарывати въ землю и со Иконъ оклади, а сами збирашеся изыти. Хотеша бо наши холопи, бысть ихъ тогда человѣкъ яко ста три, защищатися и недатися Москвѣ; мнози изъ нихъ бо рати ведали, и съ покойнымъ мужемъ сродственницы моей Боярини Настасьи, на рати бывали, и по часту ходили на Нѣмецъ по добычу: яко же і обычай есть у боль-

шихъ Новгородскихъ людей. Мы же не соизволяше, да не горьшѣе что будетъ, да и како то удобь можетъ быти противъ таковаго множества малому числу исходити? . . . . . .
. . . . . .
. . . . . до Івана . . . . . .

Начаша уже и ми збиратися во отшествіе и хотяше на утріе изыти: какъ бысть смута великая, пріидоша бо Москвичи на село къ намъ но не сотвориша зла, а бысть ихъ множество на конехъ, видимо не видимо. А съ ними пришелъ Воевода, и какъ возкрича, то абіе холопи наши на землю падоша, не смеяше востати, ожидаше собѣ конца. Мы же бегоша во вертоградъ и отъ туда слышахомъ яко рѣче Назарій слугамъ нашимъ: востаньте безсмысленни, паче же рѣщи стадо, и поведайте ми идеже есть моя суженая, Княжна Серафима Михаловна, гряду бо спешно зрети ея лепоты. Еще же глаголя: аще кіи отъ васъ помыслитъ, что по ны, или не обрету искомаго, то иму село сіе раззорити, и не единаго изъ васъ живу быти. То рекъ вниде къ намъ и до преждь того язъ познаше, яко то есть онъ самъ Назарій.

Пріиде же Назарій, и снемша шеломъ, нача ко мі глаголати: язъ бо иногда рѣче ко отцу твоему Князю Михайле, яко пріиду со властью иже и нынѣ есть тако. Тогда убо паки глаголя: се язъ тебѣ ради погубихъ душу мою, не терпя зрети тя вдаваему иному и тому ли злодѣю моему, сыну Тысячькаго: тебѣ бо ради вся бысть сіе иже и ты не невѣси, нынѣ сказаше ми соглядатели мои идеже пребываеши, и сего ради, пріидохъ зрети тя, и нынѣ преклоняю предъ тобою колена сердца

моего, и молю тя не презрити гласа воздыханія моево, тебѣ бо возлюбихъ отъ юности моя, и тобою живъ есмъ; хотеша зліи человицы лишити мя любови твоея, да не тако бысть. Се грядемъ убо отъ сюда и грядемъ во церковь и будеши мі жена.

Тогда и язъ дерзновеніе пріимъ отвѣча ему: безсмысленне, паче же рѣщи, безумне и всякія ереси і діяволья нечестія исполнене! Како смелъ бо есмъ яко злодѣй и тать и разбойникъ внити ко ми, али забылъ како тя сироту суща воскорми на пагубу собѣ батюшка мой Князь Михайло?

— Али подобаетъ со оружіемъ прихождати по любовь?

— Али мало ти раззоренія христіанскаго и пожара, и смерти, и хищеніе святыни, и плачь, и вопль неповинныхъ?

Нача бо азъ поносити Назарію со многими словеси—окояннымъ его, смутникомъ, врагомъ святей церкви Божія нарицаше, предателемъ, вторымъ Іудою Скоріотомъ нарицающе. Изыди, рекла бо есмъ, отъ очей моихъ, ибо не терпю тя предателя зрети, изыди, проклятъ буди здѣ, и въ будущемъ вѣцѣ.

Слышахъ же моя сродница Боляриня Настасія, тихо претяше мі, боящеся бо да не озлобится Назарій. но азъ не внимаше ей и глаголаше мнозе. онъ же стояше очеса въ землю опустиша, не смеяше бо противу мене встречу имети. Язь же присовокупи, аще воистину любиши мя, сотвори покаяніе о дѣлѣхъ твоихъ и моли Господа Бога, да отпустится тебѣ греси

твоя и буду і язъ молитися за тебѣ да спасетъ тя Богъ и Святой Павелъ *).

Ударя себѣ въ грудь Назарій и возопи гласомъ веліемъ: о ви суть немилостиви Чюдотворци, по что сѣщете мя мечами обоюду острыми? Горе мнѣ грешному, душегубцу, і убойцѣ, что убо сотворю, дѣла бо обличаютъ мя! О кой Свѣтъ возсія во мрацѣ омраченней души моея! Жестоки суть Княжна словесе твоя о моемъ беззаконіи и лже, но не будетъ то, иму бо покаятися о обышедшихъ мі злахъ.

То рекша спешно изыдохъ, глаголя: исходите спешно и ви отъ мѣсть сихъ, да не внидите въ напасть! Слышахомъ яко повелѣ воямъ своимъ скоро изыти, и ни кого же отъ нашихъ обидите: и тако отъидоша Москвичи. Мы же спешно тецаху до Великаго града Пскова, въ него же пріидоша въ день яко двунадесятый пути нашего и видеша тамъ рати многіи сбирашеся, идяху бо ко Москвичамъ на Новый-градъ по повѣленію Князя Великаго . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Послѣ значительнаго пропуска въ текстѣ, на второй склейкѣ рукописи продолжается разсказъ:

Пріиди къ ны нашъ Новогуроцькой гость Іванъ Семеновичь, і восхоте мя увидате и глаголя, яко пріялъ Князь Великій брата мово полюбовно (той бо Іванъ Семенычь съ Москвичи бысть доброхотъ отъ искони) і еще почалъ говорить, что де Князь Великій уже бо пріиди и стоитъ у

*) Слогъ древнихъ актовъ временъ республики.

Миколы на Мостищы*) и де скоро пріидетъ во Великій Новгородъ. Азъ же нача вопрошати о батюшкѣ, онъ же рѣче, яко живъ есте, аще и недугомъ одержимъ, обаче скоро здравъ имѣетъ быті, а объ Тысячькомъ Василье Максимовицы сказа, что де Тысячькой хитръ сый беду отъ ся отведе, и ни въ какой крамолѣ не пойманъ і де онъ первый Князю Великому челомъ удари, да і еще друга своего Федора Борецкаго связа ужами железны, і отвезе его на Мостищу по Івана Васильевича, Князя Великаго. И восхотѣ бы язь вопросити его объ Назаріи, но не сме и стыдяшеся бо, яко срамно есть дѣвицѣ сущей о младцѣ вопрошати!

Онъ же поведалъ намъ со сродницею, како бысть въ Новѣ-градѣ смути и ратовати хотели Новугородцы, и руку поднимали на Князя Великаго. Нѣціи отъ злихъ человѣкъ, суда Господня не бояшеся, ни муки вѣковѣчныя, хотяша злата дати камо бы лишь извести отравою, или убити Князя Великаго Івана Васильевича, яко же иногда про родителя ево покойнаго, по Князя Московска Василея Васильевича помышляше, но Господу Богу того покрывающу крылама своей благости, избы отъ тоя напасти смертныя, совѣту тому нечестивому раззоряему сущу ни что бо успевающу врагу на него и чѣловѣкоубойце. Хотѣша бо егда рать творити, начаша учреждати и справляти тайникъ, иже есть гдѣ церква Покровъ

*) Село Мостищи 5 верстъ отъ Новгорода на Псковской или Старорусской дорогѣ. Тамъ въ сороковыхъ годахъ стояла еще ветхая деревянная церковь во имя Святого Чудотворца Николая.

Святый *), и ту корысти своя хранили, яко не впадутъ въ руцѣ Москвичи. А стоитъ де на Мостища Князь Великои чотыре седмицы ждя отъ нихъ кое ему челомъ добьютъ; а Новгородцы такожде дожидаютъ кое отъ насъ самъ пойдетъ, али прикончаетъ съ ними по старинамъ прежнимъ. А де Князь то Великой на креплѣ ста, хотя на волю свою взяти, а людіи метяшеся въ осадѣ, иныя хотяще битися съ Княземъ Великимъ и возклицаше: битися съ Москвой и будетъ де имъ, якожде иногда Князю Ондрѣю, а инніи хотяше за Князя Великаго задати, а тѣхъ, что за Князя Великаго похотяше, болши бе.

Почалъ еще той Іванъ Семенычь поведати яко и про Назарія: се бо рѣче до сего дня бысть слуга вѣренъ Князю Великому, ныне же врагу его запявшу, отступникъ явися. Сей бо пріиде во становище, рѣче ко Боярамъ: „яко многое оболгахъ на Новгородцы, злобы ради не хотяще ни когда Вѣча отдавати.“ Хотяще же онъ Назарій, болѣе избыти Тысячькаго, иже есть втайнѣ не доброхотъ, аще же бо и той зде чествуемъ, то возмите вся злодіи и разбоиницы отъ здѣшняго міра! То слышавше смутишася Боляри и текоша поведати Князю Великому и мняше яко абіе велитъ его злой смерти предати, а Князь Великіи тому быти не повѣле, а повеле за такія неразумныя рѣчи, отъяти у него дары, шубу съ своего плеча, да забити Назарія въ кандалы и

*) У церкви Покрова Богородицы, что на каменномъ городѣ или крѣпости донынѣ сохранились слѣды тайника, который выходилъ на Чудинскую улицу. Церковь эта въ древности была домовою Князей, а потомъ Намѣстниковъ Новгородскихъ; тамъ находился впослѣдствіи острогъ.

въ порубъ всадити подъ Миколу подъ церкву; дондеже о немъ размыслю. Тогда Назарій сложи съ собѣ дары Княжески и вручи и Дьяку Ноздреву, а самъ рѣче: куйте мя, бійте и смерти предавайте, несть бо тоя казни, иже бы мі было по дѣломъ воздояніе. Тогда начаши его забивати во ужы железны и онъ рѣче: „се перстни вѣнчальны, иже ми дарова Серафима“. Мнози жалеяше Назарія, яко премудръ бе и книженъ и на всяку угоду способленъ, сего ради возлюбиша было его Князь Великіи и хотя его въ свою думу взяти, будетъ бо сей паче Гусева и Брадатаго дѣловицъ. Хотяше за Назарія молити и Княжичь Иванъ Иванычь, старшой сынъ Князя Великаго, да не сме,—азъ всему тому внимаше сотщаніемъ, едва не лишишася живота моего, тяжко бо бысть, и абіе изыди спешно до свѣтлицы моей плакася горько и по Назаріи стеняше, саму себѣ укоряше, яко сказа ему иногда словесе тяжкія, и менѣ ради погуби собѣ; укоряше батюшку, яко сребролюбію дався, хотя обручити мя постылому тому сыну Тысячькаго, нача же пача боятися, (ибо слышася яко Максимовъ избы отъ беды смертныя хитрости ради) да не вдадутъ мя въ жены тому Дмитрію, сыну ево недоумку.

Нельзѣ бо противу воли родительстей итти, развѣ возхотете иночествовати и того ради положиша твердое намереніе внити во единъ отъ монастырей и умолити батюшку попустити ми тамо жити і молитися за родъ свой и храните о Господе дѣвство мое, знаяще бо яко родитель мой благочестливъ сый не возхощетъ препону творити и тѣмъ только себѣ утешаше. Впаде і язь въ недугъ велій, и на одре моемъ лежаше, и

плакася надо мною сродница моя, глаголя: о кіи злыи человѣцы испорти тя душе моя, крастнейшая и любезнейшая моя Серафима, очей моихъ свѣтѣ, и многое съ плачемъ надо мной причитоваше. Призывахуся иногда Священницы, пѣніе въ святлицѣ творяше, и надъ главой моей Святыя молитвы говориша, и утваріи мои Богоявленской Святой водой кропиша. Во иный день призывахуся ведуны *) и бабы шепты и заговоры надо мною творяще и не бе помогая. Аще же по времени здрава бысть, то не ихъ дѣло, а Божіе, и тѣмъ я сродницу мою укоряше; она же любезно ко ми глаголаше: все то бысть по любови моей къ тебѣ, Серафима, зельной.

Бысть язь больна яко седмицъ осмъ, и едва восташа отъ одра моего, не оставляше намѣренія своево внити въ моностырь. Обаче не слыхахомъ, что есть въ Великомъ Новѣ-градѣ і о Государѣ батюшкѣ ни по что и скорбяше зело. Иногда въ себѣ помышляше и то, почто не умрохъ отъ болѣзни моея зельной, но остася жива, на горе и напасти.

Въ единъ отъ дней пріиди къ ны Левонтей Тимофеиць Апсковской старейшина, что прислалъ де ево Князь Великіи изъ Нова-города сказати де Пскову спасибо, и дары привезе кубки златы.

Той-бо сказа намъ, яко Князь Великіи пріиди въ Новоградъ Іануарія въ 13 день и встретоша его Владыко і Посадницы честно, и хрестъ ему отъ мала до велика цѣловали; а Государь де твой батюшка Князь Михайло живъ, и тебѣ поклонъ

*) Колдуны.

прислалъ, да велелъ ѣхать къ нему, въ Новгородѣ, де, тихо, а теперь, чай, де и Вѣче уже нѣтуте. Да еще поведалъ, что де Новугородцы, какъ Князю Великому повинную принесли, то и сказали, что все де то правда, какъ наши послы Дьяки Назарій съ Захаромъ, да съ Игумномъ Сидоромъ монастыря Никола Бѣлаго.

То слыша язь, жена суща, негодова на слабость, паче рѣщи, лехковѣріе народа яко страха ради малодушніе сами себѣ клеветаше.

Удобь сіе токмо намъ женамъ, а не мужамъ таковымъ быти. Тако бо язь помышляше; хотя любяше Князя Великаго Івана Васильевича, яко і родителіи моя ему служатъ, і братъ родный, но не могущи похвалите Посадники, яко тако творившихъ, якобы древле Іудейское злоковарное сонмище.

Въ той бо день бысть радость великая Пскову и ликованіе, въ колокола бо ударяюще и хождаше по исходищамъ *) народи кричаше: хощетъ де насъ Князь Великій по старинѣ держати, яко и мы слово свое держаше, а жалованье де мое старое вы помнили! И ждуще вси яко скоро воротится ратъ изъ подъ Великаго Новаграда.

Нача же мы собиратися ѣхати ко батюшкѣ и по тріехъ дніи изыдохомъ до Новгорода въ путь изо Пскова града, і азъ рада бысть тому до зела. Тако намъ емлющимъ пути, достигоша Великаго Нова-града и видеша ту яко все мирно, и тихо яко въ могилѣ; людіи же яко стени, **) яко мертвецы хождаше; боящеся бо между со-

*) Улицамъ.
**) Призраки.

бою рѣчи вести, яко не быти ятымъ отъ Московскихъ соглядателей и поимщиковъ. Встретоша мя батюшка и братъ любезно и плакася батюшка на радости, яко уже мя живу и сказа язъ ему, яко больна быхомъ и едва ли не смерте предадеся, и рѣче ему, яко обещася Господу Богу, егда востану отъ одра моего, вниду въ монастырь, и тамо поживу благоугодно, въ дѣвствѣ и чистотѣ, молящеся Богу за родъ нашъ.

То слышахъ Государь батюшка удивляшеся и плакася и убеждаше мя оставити і не вводите его въ пѣчаль, едину бо иму дщерь собѣ.

Язъ же отвѣща: ту и подобаетъ Господу Богу вдати и будетъ то жертва великая.

Батюшка тогда нача ми стужати і еще паче молити (азъ мню яко онъ знѣлъ любовь мою ко Назарію), но азъ крепляшеся, и тако пройди днiи довольни . . . . . .

. . . . . .

А видѣла язъ, како Князь Великiи Іванъ Васильевичь, былъ на пиру у Марка Степаныча, і како вдали ему дары: тридесять коробельниковъ златыхъ, да три подставы сукна.

Быша ту Боляры мнози и Архимандритъ отъ Юра*). Язь тогда соглядатахъ отъ издалече на палатехъ и видеша, *яко князь Великiи Іванъ Васильевичь, лицомъ смуглъ, очи черны и власы ево чорны, а самъ высокоростъ и доротенъ довольно, а бровiе густы и вместъ сошедшiяся, а на правой у нево манитъ знакъ родимый.*

Бысть же тогда вси весели и беседующе любезно, а былъ ту и Государь батюшка и вопроси

*) Юрьева монастыря.

его Князь Великіи, колико живеши въ Новоградѣ? Отвѣча ему Государь батюшка, яко уже лѣтъ пять надесятъ болѣе пріидохъ отъ Торопеца.

А въ ту пору помню язъ Юрьевской Архимандритъ сказа: „Возми де Государь половину волостей Юрьевскихъ“.

Князь же Великіи рѣче: „не надобе, вемъ бо бѣдность монастыря, и де у тебѣ Архимандритъ земли мало“. Рѣче же Князю Великому Посадникъ старый Александръ Самсонычь: „тако де Княже подобало бы на Волховѣ, на Павлицѣ и Варькѣ

. . . . . .

. . . . . .

Не оставляше азъ намеренія моего изыти въ обитель и моленіемъ стужающе, обаче егда узна, яко Максимовъ у насъ бываетъ и стужи Государь батюшка. Во единъ день свезе мя на Михалицу, иже Млатковѣ исходищѣ нарицается, і ту вдаде мя во Рождественъ дѣвичь монастырь ко Игуменьи Милитинѣ. И остави мя въ единей съ нею келіи жити, дондеже размыслю о себѣ разумнѣ. То рѣче батюшка отыди.

Нача азъ жити въ томъ монастырѣ; і посещаше мя Государь батюшка, і старицы монастырскія питая, і Игуменью дарами ублажаше, яко же есть обычай, егда въ монастыре бываетъ единъ отъ большихъ людѣй.

Во единъ отъ дней видехъ сонъ страшенъ, яко стояшу ми въ полѣ, разверзошася небеса и отъ ту свергоша трупій человѣчь, иже упаде къ ногамъ моимъ, і узна яко то есть самъ Назарей; тогда абіе возбудишася отъ сна помышляше въ себѣ, что сіе имати страшное і ужасное быти? Мняше яко то коварство вражіе и смутеніе.

Бысть же вечеръ на поздне, яко и солнцу заходящу, і отпѣша у насъ вечерню, и павечерницу, і правило церковное, абіе пріидоша нѣкіи въ враты ударяше и пріиди вратарница рѣче, яко привезоша мертвеца на погребеніе во монастырь. Тогда изыдоша Игуменья і азъ съ нею видити: хотяще бо Игуменья мертвеца того до утріе оставити. Егда азъ узрѣ, то узна яко то слуга старый Назаріевъ, Козьма, привезе тѣло господина своего на погребеніе въ нашу обитель. Нача же Козьма повѣдати о Назаріи: „егда бо во единъ день повѣле Князь Великіи извести его изъ поруба, абіе обретоша его уже о Господе представшагося і повѣле Князь Великіи тѣло Господина моево мі отдати і азъ везохъ его на Хутынь монастырь, идеже наша вклада дана отъ изъ стари, і приступиша ко ми чернцы вопіюще: аще далъ Боляринъ твой отчину подъ насъ. абіе погребемъ его; аще же ни, то даждь двѣ гривны. Язъ же имъ отвѣща, яко не могу властно господскихъ отчинъ, ни корысти давати, самъ рабъ сый, но ужели мало вамъ дано успевшими о Господе ево родителями на обитель, что де у васъ сыну то ихъ уже и мѣста нѣтъ? Они же съ безстудіемъ вопіяху: несть мѣста нищимъ, гряди къ Лазарю Святому, аль къ Рождеству на Убожій домъ!. Пріидохъ въ Никольскій монастырь и ту не принимаше і о корысти вопіяху, яко завистливи суть и сребролюбці“.

Тогда азъ съ плачемъ падохомъ къ ногамъ Игуменьи Милитинѣ, заклинаше ее Богомъ погребсти Назарія, и поведаше ей все о себѣ подробну. Она же слышавше, сотвори по желанію моему и несоша Назарія въ церковь. Всю же

нощь азъ надъ нимъ со слезами пробыша и молящеся о нѣмъ ко Господу Богу, да проститъ ему грехи его; скорбяше же о нѣмъ яко умре безъ покоянія въ нуждѣ темничной и бедѣ велицеи.

Во утріе погребенъ бысть Назарій близь Святыхъ вратъ. Егда же опустиша его въ могилу, азъ бо рѣче: отъ нынѣ не изыду отъ мѣстъ сихъ, во вѣки пребуду въ обителѣ сея и нача молите, да поставятъ мя Инокинею. Игуменья же не смеяше того сотворити, дабы не прогневать батюшку.

Въ тои же день пріиди батюшка и снимъ Тысячькой къ литургіи, и пріидоша ко Игуменьи

. . . . . .

. . . . . .

Азъ же глаголя, хощу бо Инокиня быти и міра иже въ немъ всего суетнаго отметоваюся. Тогда начаша Игуменья надолзе съ батюшкой беседовати, приводя ему отъ писанія Святаго, яко несть воли удержать ни дщи, ни сына, хотящихъ иночествовать, ниже имѣнія лишати. И остася азъ въ монастырѣ не исходно, положиша собѣ до времени, ради моленія батюшкина, быти инокой отставите иже и бысть по времени*). . . .

. . . . . .

*) Неизвѣстно, когда постриглась въ монашество княжна Серафима Одоевская, но въ 1515 году она была уже Игуменьей въ бывшемъ Михалицкомъ монастырѣ подъ именемъ Маріи.

Вблизи церкви Рождества Богородицы на Молотковѣ стояла ветхая деревянная часовня, которая въ 1904 г. была возобновлена; ее поставилъ около 1770 года кто то изъ князей Одоевскихъ, надъ гробомъ игуменьи Маріи, княжны Одоевской. Въ сороковыхъ годахъ существовалъ еще обычай, въ силу котораго духовенство этой церкви

Елицы бо отстоятъ востоцы отъ запада, тако и житіе міра сего отъ житія постническаго, паче же рѣщи мнишескаго. Кая бо польза человѣку, аще міръ пріобряща, душу свою отщетитъ отъ Бога? Али возлюбитъ тленны. нетленнаго всего отмятется? Ни, да не будетъ тако: се есть сѣть діяволя отъ искони врага і человѣкоубойцы. Вси бо яко человѣцы измираютъ, яко единъ отъ Князей падаютъ. Тако бы мы прилежаемъ писанію, и не не вемы вся то, яже есть писано, да не тако творимъ, иже подобаетъ деяти. О колико и язь грешная бысть обуреваема во дніи тыи, егда азъ отъидоша во обитель: бысть бо ми тужа велица и напасть смертная, стужаше мя врагъ помыслы злы и противны. Бываше иногда яко мірское житіе мое воспоминаше и о богатствѣ отчемъ; овоже хотяше всякія мірскія сладости, мониста и ометы, иногда же воспоминаше и мірскія пѣсни.

О коль тогда моляшеся на долзе со слезами, да утишится та буря дзельная. Многажды язь о томъ повѣдаше Игуменьи Милитинѣ, она же повѣлеваше абіе молитися Святой Мученицѣ Фомаидѣ; но ничто же помогаше, не услышана на

служило въ извѣстные дни панихиду по игуменьи Маріи въ той часовнѣ. Ни камня, ни какого другого знака на могилѣ не сохранилось; приблизительно она находится посреди̇нѣ пристройки, примыкающей къ теплому собору. При ремонтѣ пола въ землѣ на этомъ мѣстѣ былъ обнаруженъ гробъ; по разсказамъ, его пріоткрывали и видѣли въ немъ тѣло монахини, закрытое княжеской мантіей. Могила Назарія неизвѣстна и, вѣроятнѣе всего, надъ нею теперь проходитъ улица. При рытьѣ канавъ на ней находилось множество костей и череповъ. Весь Новгородъ, можно сказать, стоитъ на костяхъ человѣческихъ.

долзѣ моя грешная молитва, и бореніе не преставаше; ибо яко огнь некіи во утробѣ палящей сю мя разжигаше огнемъ лютымъ. Сей бо огнь мню быти единый перстъ, пачѣ же рещи искру, огня гіенскаго.

Бываше на мя искушенія велицы и сновиденія и бесовское прещеніе. По часту видаше во соніи Назарія, лица же его не могуще ни коли зрети, той бо меня укоряше, яко живу здѣ во обителѣ, и зваше мя изыти, и поиметъ мя въ жону.

Молящеся же по часту надъ гробомъ Назарія, да упокоитъ Господь милосердецъ грешную душу его, и священницы призывахуся, но не бе помогая.

Прихождаше иногда государь мой батюшка Князь Михайло къ намъ въ обитель, и увеще-ваше мя изыти и обещася не нудити на супружество со сыномъ Тысячькаго и на Москву хотя мя взяти, званъ бо бысть отъ Князя Великаго.

А милостивъ былъ до моего батюшки Князь Великій Іванъ Васильевичь и отчину далъ ему въ Шелонской пятинѣ; а отчина та была отъята отъ монастыря Никольскаго; да и много тогда отъ обителей и болярства отчинъ отъемомъ взято, да инымъ дано, кому Князь Великій укажетъ. Азъ же радовашеся, яко жалуетъ есть Государь батюшка, но ни како не возжела исходити изъ обители и обѣтъ свой Господу Богу ни во что вменити, да не горшее что будетъ. Тако размышляше: неправду дѣеши грешная раба Божія Серафима! Кто убо тя воздвигъ отъ одра смертнаго? Кто убо соблюлъ тя свободну отъ юзъ супружескихъ? Кто извелъ тя отъ нечестиваго

міра сего и яже въ немъ? Горе тебѣ грешной и всякаго нечестія исполненной и погубитъ тя мзда праведная, яко преступиши роту души твоея и будетъ ті отвѣтъ день судный.

Печаленъ повсегда государь блтюшка отъ менѣ отхождаше.

Нача же і язъ божественному писанію чтеніе прилагати, книзи Боговдухновенныя всегда читаше, и тако умомъ своимъ къ Господу Богу въ самой себѣ беседующе. Нача же язъ и сама книзи списывати и лѣтописца церковнаго, тако бо труждашеся и похваляше мя Игуменья Милитина, яко трудъ твой праведенъ есть, а іныя сестры наши не похваляше, яко сами суть не наущены тому. Язъ бо по всегда хвалу воздая Господу Богу, да и родшимъ мя, яко обучаша мя книжному всякому дѣлу, аще мнозіи отъ знаемыхъ за очи и въ очи государя батюшку поносяше: почто де учитъ книгочетству дщи, дѣвицу сущу; но батюшка таковыя не разумныя, пачѣ же рещи безумныя рѣчи, ни во что вменяше.

Учаше же мя иногда со Назаріемъ Діякъ отъ Знаменія Ілья, мужъ бе той благочестивъ и всемъ любезенъ, и государь батюшка его повсегда ублажаше . . . . . До насъ весть пошла, немалая, яко на Москвѣ ту есть хитрецъ нѣкій Федоръ, отъ духовнаго чина. Той бо хитростью нѣкою словеса на древѣ резцомъ изображая и черниломъ по тому пиша, то вся писанное на бумагу изводитъ вельми хитростно, и называетъ то: печатнымъ дѣломъ*). Мнозіи то

*) Ѳедоръ былъ дьякономъ Московскаго Николаевскаго Гостунскаго собора нынѣ уже не существующаго. Онъ первый хотѣлъ учред-

мнятъ быти дѣйству діаволя, а наша Игуменья Милитина по всегда ту волшебную хитрость проклинаше: да и самъ владыко Ѳеофилъ намъ сказывалъ, яко подобало бы того Федора, еритика суща, безъ всякаго милосердія жжещи. А князь Великій тѣхъ книгопечатниковъ любяше, но бысть въ народѣ смута великая.

Но язъ грешная хотеша ту (волшебную яко глаголютъ нѣціи) хитрость зрети. И тако мнѣ самой въ себѣ то помышляющей, нача язъ обычное правило совершати, яко уже бысть вечеръ позденъ, и се бысть помыслу моему смущеніе зельно, яко бо кораблецъ нѣкій на волнахъ моря великаго, тако и мысли моя волнами убуревахуся, и не могущи молитвы творити, и стояше, и помышляше о Назаріи. И се нача козни діаволъ строити; пріиди ко ми Назарій, со многою гордостью, яко иногда ко сродницѣ моей Настасьи, и ко ми приближашеся и руцѣ простирающе и яко бы исхитити мя хотяху. Тогда трепетна бысть убогая душа моя и сметяшеся яко птица въ сѣти ловчи; устнѣ же не могуще отверзти, и умъ мой ста, не могуще въ себѣ, что то есть? Объята же страхомъ велиемъ падоша язъ подъ Икону, иже стояше въ келіи и се избегоша призрацы . .

. . . . . .

мню яко тіи стена . . . . . .

. . . . . суть и начаша скоцы творити, язъ же пѫдохъ яко мертва.

дить въ Москвѣ типографію, но подвергнулся за это гоненію. Цѣхъ людей, занимавшихся переписываніемъ церковныхъ книгъ, боясь лишиться пропитанія, возмутилъ народъ противъ мнимаго чародѣйства, такъ что дьяконъ Ѳедоръ и его товарищи принуждены были бѣжать въ Кіевъ.

Пріиди же игуменія Милитина, и егда узре мя, то абіе познаше, яко язъ прельщена есть. Тогда созва сестры, повѣлеша мя нести во церкву ко Святому Михайлу Малейну, и нача молитвы творити: всю бо нощь тою язъ во церкови той бысть бездыханна, яко древо лежаща даже и до полуношницы, и плакашася надо мной Игуменья Милитина и сестры.

Егда же пріидохъ во чувствіе, тогда начатъ поведати вся подробну, всемъ дивящимся, колико силенъ есть врагъ нашъ діяволъ.

Рѣче же Игуменья Милитина: виждь, дщи моя предобрая, колицымъ подвигомъ вдалася, егда возхоте Христу уневеститися, тако бо и вси подобніи тебѣ стражутъ отъ пакостей вражескихъ, обаче блюди себѣ и ты побѣдиши того молитвою и постническимъ подвигомъ.

Мню язъ, яко идеже добродѣтель и подвигоположеніе, ту и пакость всякая нечестивая дѣятся. Мнозіи бо вѣру не емлютъ тому (врагу ихъ научающу), мнятъ бо прельщенни человѣцы, паче же рещи маловѣри, яко всея то несть истина. О коль веліе тѣхъ грехопаденіе. Маловѣрныхъ бо, мною язъ, паче зловѣрныхъ быти. Свидѣтельствую Богомъ, яко все то совершается, иже подобной бысть.

Во едину убо нощь вторицею стужи ми діяволь: виденъ бо яко язъ въ дому у батюшки и се пріиди государь батюшка и повѣле ми наряжатися во утвари многоцѣнны, яко хощетъ мя вдати браку. Тогда язъ нача плакати, бояшеся бо сына Тысяцкаго Дмитрія собѣ сожителя имѣти, но государь батюшка рѣче ми, яко за Назарію вдастъ мя: и то де Князь вѣлелъ. То слыша

язъ радовашеся, и поемши мя поеждянѣ со кумовьями ведоша во храмъ, а самою вещію приведоша мя въ некую пустыню, и ту разбиша наметъ и введоша мя. И абіе пріиди Назарій, и воззревъ на мя, рѣче: почто де ты моя суженая, моя ненаглядная, яко едина отъ черницъ облечена, этаго де ми не надобе?—То рѣкъ, нача мя совлекати.

И тогда и язъ востахъ отъ сна моего, и поведаша ми Игуменья, яко злѣ меташеся, и сама собѣ одежды терзаше.

Съ того же времени пачѣ нача діяволя пакости терпети, аще и пачѣ подвигомъ рилежаща.

Впаде бо и язъ въ недугъ, и огневицею *) стражда, и того ради не отъидоша батюшка на Москву; но Богу мя покрывающу здрава бысть. А сказа ми батюшка, яко Тысячькой Максимовъ на Москву взятъ и во ужи забитъ; а отчины де его взяты на Князя Великаго; а дворъ де его пограбленъ. Да еще, вѣлелъ де Князь Великій и Владыку Феофила пограбити животы, а самаго его на Москву взяти, да въ монастырь нѣкій тамо заточити. Плакашася мы вси по Владыцѣ, яко милосердъ и благочестивъ сый. А вина его бысть великая, нехотяше быти за Москвой, наровя подъ Литву съ Максимовымъ, а не сыскано то до пряма.

Вельми грозенъ судъ бысть тогда надъ Новгородци; приставы бо Княженецкія пріѣзждяше и имаше многихъ отъ житыхъ людей и Боляръ и грабя ихъ животы на Князя Великаго, а мнозіи начаша животы своя хранити по монастырямъ.

*) Горячкою.

Начаше же и ту сыскивати, и единаго Игумна, старца благочестива, повѣлеша Намѣстницы и тіуны Князя Великаго бити нещадно по торгомъ. Бысть бо плачъ велій во всемъ Новѣградѣ отъ тоя беды.

Пріидоша по нашу обитель приставы тіи и недѣльщики, и творяше прилежное гляденіе, аще есть ту скрыты чуждое, пачѣ же гостей купецкихъ отъ Нѣмецкаго двора. Сіи бо яко разбойницы клети разметоваше, искаше животовъ опальныхъ, но ни чтоже обретоша, тщи отъидоша. Мы же, отъ страха великаго стояше яко немы не могущи въ собѣ пріити: зли бысть днiи тыи.

Во единъ дней стоящимъ намъ въ церкви пріидоша абіе тіуны Князя Великаго и извлекоша изъ службы Божія Фому Иваныча нашего Боляряна, (что сестра ево у насъ живетъ) поемши ко вратамъ, и тамо узы тяжкія наложиша, и всадиша на коня, везоша его въ темницу.

Во единъ день сказа ми батюшка, яко и сынъ Тысячького Максимова Дмитрій недоумокъ на Москву взятъ, да и посланъ въ монастырь на извѣчное время, а вне его нѣсть.

Отъидоша же государь батюшка на Москву, и глаголя, яко хочетъ де Князь Великій со Тверичи ратовать, а батюшка де тоже съ нимъ пойдетъ. А де съ Новаграда рать будетъ, и велено де Новгородцамъ на весну сбиратися, а воевода де отъ Москвы придетъ. Плакася язь горько разлученія батюшкина и рыдаше. Оставася бо тогда яко сира, но утешаше мя Игуменія наша Милитина любезно. А вдалъ государь батюшка игуменьи двѣ гривны, да подъставъ ткани Московской, да хлѣба всякаго довольно, и тако учреди

сестры наша довольно, молитися ихъ о себѣ прося, отъиди до Москвы.

Прихождаше къ намъ иногда старый слуга Назаріевъ Козма плакася надъ гробомъ его, и той поведаше ми, яко почастую, якоже и язъ, зритъ господина своего во соніи. Се мню, яко той ради вины, яко умре безъ покаянія и хрестьянскія кончины живота чуждъ.

Не преставаше же и врагъ ратовати на мя, яко же выше сего язъ рѣче.

Единожде діяволь врагъ рода нашего усугуби свое злокозненное мѣчтаніе и сотвори то, яко узре язъ Назарія стояща въ церкви на правилѣ вечернемъ. Той бо гордостно стояща, нача мя съ повѣленіемъ къ соби призывати. Язъ же нача молитися, и волею Божію победи, яко то мечтаніе съ очей пропаде; язъ же радовашеся. Егда повѣдаше Игуменьи, та повѣлеша мі поститеся і молитеся . . . . . .

. . . . . .

Бысть Новуграду весть великая, яко далъ есть его Князь Великіи ввотчину сыну своему Василію, и начаша тогда бо молитися повсюда за Василія Иваныча. И бысть у насъ нестроенія мнози, начаша абіе Боляръ въ Новѣградѣ изгубляти, мнозіи бо быша казнени, а иныя отъ нихъ на Москву свезены и пограблены. Но не единымъ наста скорбь житымъ людямъ и гостямъ купецкимъ (ихъ же семьями емлюще гоняше ихъ на Вологду и иныя мѣста и тамо безъ крова оставляше), но и старцовъ и старицъ изъ обителей извлекаше и везяше на Москву и иныя грады и тамо въ обители вдаваху. Кто исповесть яко язъ видехомъ, что убо творяше начальныя

люди: егда творяше веленіе Великаго Князя, не оставляше бо ничтоже, грабя яко разбойницы.

Пріидоша по насъ и взя отъ старицъ сестръ нашихъ десять, иже бысть отъ сродства болярска и купеческа и тіихъ грабя, гоняше яко стадо на Москву, едва не совлекая ризы ихъ, ниже плата бе, чомъ слезы утирати.

Пріиди бо ко ми братъ мой Іванъ, и моля изыти отъ мѣстъ сихъ на Москву, но азъ крепляшеся, не хотяще бо праха Назаріева тща оставити, и глаголя, яко хощу инокой быти якоже и обещася. Братъ же укоряше, и зва мя прилежно: глаголаше бо яко и на Москвѣ удобь ми иночествовати, хваляше же обители тамо сущія, идеже подвизается старицъ не мало, но азъ тому не внимаше и нестужи братъ. Пріидоша же той ради дѣлы земски отъ Князя Великаго съ Москвы присланъ по тому ли слову . . . . . и Сидора Николаевскаго Игумна взя на Москву.

Затвориша тогда Намѣстницы дворъ Нѣмецкой и повѣлеша изметати малую ихъ Нѣмецкаго зловѣрства божницу. А купцовъ гостей всадиша въ порубь и костеръ; до Князя Великаго слова . . . . . братъ мой Князь Іванъ, да Дьякъ Истома Волкъ повезоша къ Москвѣ утварь стараго Владыки Феофила.

Нача азъ во времени молити Ігуменью Милитину, да пострижетъ мя скоро въ иноческій чинъ, но она претяше, яко не приспѣ время.

Чадо мое любезно (тако глаголя ми Игуменья) азъ есмь уже близъ моего пристанища, и вемъ тя, яко достойнишую изъ сестеръ быти по мнѣ, сего ради, возлюби тя, і хощу бо вдати ті по вре-

мени власть мою, но испытай ся дщи, и укрепись во подвигахъ, и будешь совершенна и достойна чина Ангельскаго

Азъ же рѣче: несть достойна ігуменства, но сотвори мя послѣднею отъ рабыть своихъ, се уже живу довольно, лѣта яко два; міра же давно отвергохомся і санъ отца моего оставихъ ради отца небеснаго і богатство тленное изметохомъ. Вся міра красота не да входятъ, но остается да за враты Святой обители.

Плакася и повергошася къ ногамъ Игуменьи, но та не соизволяше, но повелѣша ми послушаніе имати. Поставиши бо мя во чтицы. Язъ же, требуя собѣ большаго и паче того трудовъ тяжкихъ, хотѣша на поварни и приспешнѣ работати: нѣсть бо здѣ Княжны Одоевскіи, пачѣ худейшей Серафимы грешницѣ, послѣдней изъ рабовъ, но не соизволяше; облечеся тогда азъ во одежды ветхія, а до преждь того мірскимъ обычаемъ ходяше.

Нача же діаволь ми пакости творити на мнози, то смущаваше помыслъ, то устрашеся. По часту во образѣ Назарія представляшеся и нача со мною беседу весьти вельми неподобную Азъ же моляшеся, и абіе той побежденъ бысть.

Во единъ день пріиди ко ми во образѣ Эліопа, азъ же молитвою того изгоняше.

Въ другіе же дни слышахомъ яко звѣрь нѣкій на мя устремися, азъ же со страху на землю падохъ, и лежаше яко мертва, мняше мя яко же умроша. Да бысть еще . . . . . .
. . . . . про насъ по скору текши . . . . . .
. . . . . мы же ни чесо отвѣщеваше.

Пріиди же государь батюшка, той виде мя

живу, радовашеся; пѣчалися токмо, яко азъ ся изнури и воздержаніемъ мнозимъ отяготеся.

Начаша же тамъ рать сбиратися и сказа батюшка, яко попусти ему Князь Великіи въ Новѣградѣ жити, какъ де со Тверичи покончатъ, на нихъ же прогневался Князь Великіи, а пачѣ того на неправды Князя ихъ Михаила, сгубилъ бо того Семенъ Боляринъ, крамольникъ изъ стари.

Тогда начаша рати сбиратися мнози, и бысть ими тогда исполнитися граду; и не вдалечѣ обители учреждашеся рати. И видехомъ язъ батюшку предъ полцы исходящаго, а съ нимъ братъ мой Иванъ и холопи наша въ дружинѣ той бысть; и егда принесоша стязи отъ Софеи, и начаша ударяти въ сурны и сопели играюще.... То видя язъ вспоминаше то время зло, егда пріиди Назарій по насъ въ Новорусье, и се уже мертвецъ зрится и прахъ и тленъ обратися, а бысть онъ

. . . . . .

Пріиди же къ ны отъ Москвы посланный Иванъ Протопопъ, да сталъ обители исписывать, а все искъ бе схороненнаго отъ опальныхъ Новгородцевъ, и бысть тому розысканіе мнози: берешя бо на Москву, иже поставлены бысть Иконы Святіи и отъ сродникъ вданы. Бысть же тому абіе не мало ещо взято бысть Новгородцевъ и погнано на Пермію великую и бысть плачъ веліи, яко не вмалѣ нача запустенію быти.

Быша же ту пору пожаръ золъ, загореся мыльня у Московскаго подъячаго на Плотнинскомъ концѣ и згорѣ дворомъ яко сто и одинъ; вѣтру злу бывшу и подъ обителью нашею дворы гореша. Нача же мы боятися огня, и повѣле абіе Игуменья Иконы износити и колокола хотеша

сымати, но абіе волею Божію той пожаръ нача утихати и обратися на Щитенское изходище, и нача тамо горети Ондрей Святой, и подъ двором Болярина Павла клети разметаше и преста пожаръ. Быша намъ тогда тужа великая, обаче благодаряше Бога, яко соблюлъ есть насъ отъ всякаго обстоянія люта и напасти зельныя.

Труждашеся язъ тогда въ послушаніи мнози, но и треволненіе терпяше яко же и первѣе со мною бе. Во единъ день паки узре и язъ Назарія, иже спешно изшедше отъ куда бе невемъ, нача молитися ми претите, азъ же тогда дерзновеніе пріимъ и молитвою того до конца победиша. Съ того дніи нача язъ ни во что вменяти козни діяволя и тому коварствамъ поношати . .

. . . . . .

и бысть ми тужа . . . . . .

хотеша бо скоро изыти отъ міра и во обители постризкена быти; ждаше бо батюшку, когда пріидитъ отъ Тверича, и се уже бе слышано, яко победи Князь Великиі того Князя Михайлу Тферскаго, своего брата меншаго. Начаше же рати прихождати до Великаго Новаграда и пріиди батюшка здравъ, и пришедъ въ обитель плакася, яко хошу постризкена быти и уговаривше мя на долзѣ, азъ же крѣпляшеся; прихождаше же и братъ мой Іванъ и той со мною беседоваше и убеждати хотяше; язъ же пребываше въ намѣреніи своемъ не отложно.

Бысть тогда милость великая отъ Князя Великаго на моего государя батюшку: дана ему отчина подъ Кашинымъ градомъ, а въ ней дворовъ яко полтретьяста и та отчина бысть до преждь того монастырская отъемомъ взята. А

поѣхалъ государь батюшка во Псковъ по Ярославляго Псаднику и тамо пребываше, а дѣло было по судѣ о старинѣ, всякому конному изгородному прислу, и бысть когда быша ту Московскій Діякъ Юрій Шестинъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Се азъ грѣшная, Игуменья Марія, отъ рода Одоевскихъ пріяхомъ подвигъ не малъ. Скажу бо азъ о себѣ во всемъ по подробну, како постригохомся во обители, како лишишася матери моея духовней, Игуменьи Милитины, отъ нея же начальство и строеніе все монастырское пріемъ и сестры Богомъ ми врученныя, и како бысть смуты велицыя въ Новѣградѣ отъ лукавыхъ человѣкъ, государевыхъ изменщиковъ, вся то подробно скажу, паче же того отъ житія монастырскаго. Мнози бо бяше при мнѣ во обителя Рождества Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, что на Михалицѣ Млатковѣ (иде же пострижена язъ и начальства сподоблена) сестры Богоугодныя и Святи предъ Богомъ, мню яко и до скончанія міра въ сея Богомъ хранимой обители и христолюбцами почитаемой будутъ.

Бысть у ны старица Свята и не порочна скимница Олена, лѣтъ яко болѣе ста живуща, юже и язъ своими руками погребоша у олтаря церкви Михаила Святого. Кое же бысть житіе ея и пощеніе кто исповесть; мню яко великую мзду обрететъ. Табо на всегда мя увещеваше пріяти санъ мнишескій, иже и бысть. Се отколи начну глаголати како все то совершишася надо мной и что убо бысть ми кая радованіе? вся та исповемъ подробну. Писано бо есть: тайну Цареву добре

хранити, дѣла же Божія да явятся; се азъ исхожду бо на сказаніе, яко Давидъ дерзновеніе пріимъ. Отъ коли начну словеса ткати? Кто дастъ ми писало?—и будетъ-ли языкъ мой, яко тростіе книжника скорописца? Начало премудрости страхъ Господень и совѣтъ Святыхъ разумъ ево.

Нача бо азъ отъ дѣтства моего, пишю ся на память сестромъ моимъ и отцу моему по дусѣ, Архимандриту Макарію, да простятъ мя чадца моя по дусѣ, что азъ не дописахъ, а не коли же укоряютъ, ни здѣ, ни въ будущихъ временахъ во обители живущія, аще обретутъ писаніе мое, ни сродницы по плоти аще будутъ, а до толи на мірѣ Одоевскія. Молю убо сродницы и вы сестры Богомъ хранимыя обители Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи ради славнаго ея Рождества. Вы убо сестры моя такожде поминайте мя, до коли міръ есть; мню убо язъ ни раззорится обитель наша Богу не попустившу и человѣкомъ усердію не умаляшемуся.

Наступи убо время изхода моего отъ тленнаго міра сего, язъ радовашеся, яко птица, избавившаяся отъ сѣти ловчи. и стремишася на твердную красу. Належаше же на память ми соблазны діяволя, и паки бореніе люто ми бысть, но язъ крепляшеся, не хотяше быти въ добычу врагу человѣкоубойцѣ рода нашего, діяволю. На память во вѣчное блаженство . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Пріиди ко ми батюшка и се узре мя оболчону во власяницу, готовяшеся бо на подвигъ иночества. Плакаша батюшка, и язъ рѣче: несть удобь

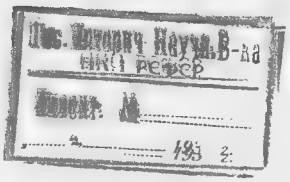
плача, но радованія всякаго подобаетъ: се мертва бысть и оживи. Вспоминаше Назарія, аще и хотяше отметоватися мысли тоя неподобныя, но не бе въ силѣ то сотворити и . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

На этихъ словахъ обрывается рукопись: дальнѣйшихъ частей ея отыскано не было.

КОНЕЦЪ.



Книги С. Р. Минцлова:

1. **Опись собственнаго книгохранилища.** СПБ. 1905 года.
(Напечатано 40 экземпляровъ, въ продажу не поступало).
2. **Рѣдчайшія книги, напечатанныя въ Россіи на русскомъ языкѣ.** СПБ. 1904 года.
(Напечатано 100 экземпляровъ, въ продажу не поступало).
3. **Очерки Пріуралья.** Археологическія и спелеологическія изслѣдованія. Уфа. 1910 г.
(Напечатано 30 экземпляровъ, въ продажу не поступало).
4. **На зарѣ вѣка.** Историческій романъ. Изд. 4-ое. СПБ. 1910 года. Цѣна 75 коп.
5. **Литва.** Историческія повѣсти. Изданіе 3-е. СПБ. 1911 года. Цѣна 1 руб.
6. **Историческія повѣсти.** Изданіе 3-е. СПБ. Съ портретомъ автора. Цѣна 2 руб.
7. **Кладъ.** Повѣсть. Изданіе 2-е. СПБ. Цѣна 60 коп.
8. **Царь Царей!..** Повѣсть. СПБ. Цѣна 60 коп.
9. **Бѣглецы.** Повѣсть. Изданіе 3-е. СПБ. 1912 г.
10. **Обзоръ записокъ,** дневниковъ, воспоминаній и пр., относящихся къ исторіи Россіи. Новгородъ. 1912 года. Цѣна вып. I—2 р.; II и III — 2 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. **IV—V выпуски „Обзора записокъ",** охватывающіе времена Императоровъ Александра II, Александра III и Николая II.
2. **Книгохранилище С. Р. Минцлова.** Полное описаніе книгъ и рукописей.
(Печатается 50 экземпляровъ, не для продажи, на альбомной цвѣтной бумагѣ).